

О.Н. Комаров

К вопросу о судебном разбирательстве как объекте науки криминалистики

Становление судебной власти в Российской Федерации как независимой ее ветви, изменение уголовно-процессуального законодательства вызвали необходимость дальнейшего развития рекомендаций криминалистики для судебного разбирательства. Участие России в создании единого европейского правового пространства требует от судебных органов нового подхода к отправлению правосудия с учетом норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод, с соблюдением принципа состязательности. В новых условиях требуются систематизация и обобщение имеющихся криминалистических рекомендаций для судебного разбирательства и разработка новых.

В п. 51 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ дано определение понятия «судебное разбирательство» как «судебное заседание судов первой, второй и надзорной инстанции». Наиболее полно, полагаем, отражает внутреннее содержание судебного разбирательства следующее определение: «Судебное разбирательство – важнейшая стадия уголовного процесса, состоящая в судебном рассмотрении уголовных дел и применении установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступлений, либо оправдании невиновных. Судебное разбирательство построено на принципах состязательности, непосредственности, устности, непрерывности» [1, с. 600]. Элементы этого определения свидетельствуют о сложном характере процесса судебного разбирательства и необходимости формирования его отдельных методик. Признавая данный факт, все больше авторов включают в учебные курсы криминалистики вопросы тактики и методики судебного разбирательства как объекта криминалистики.

Общие подходы к изучению судебного разбирательства как объекта криминалистики формировались с развитием уголовно-процессуальной науки и проходили в постоянных научных дискуссиях. Так, одни авторы обосновывают необходимость криминалистических разработок для судебного разбирательства, другие не видят в этом необходимости. Разобраться в многообразии точек зрения помогает закон достаточного основания, который в логике сформулирован следующим образом: всякая мысль признается истинной, если она имеет достаточное основание [2, с. 20]. К первым обоснованиям необходимости внедрения данных криминалистики в суде относится работа А.Л. Цыпкина, изданная в 1938 г. [3, с. 44–46]. Дальнейшее развитие использования данных кримина-

листики в ходе судебного разбирательства получило в работах Л.Е. Ароцкера и Г.А. Воробьева [4–5], которые разработали отдельные рекомендации судьям по тактике допроса, судебного осмотра, эксперимента, предъявления для опознания, освидетельствования, проведения экспертизы в суде, вопросы планирования судебного следствия и обосновали необходимость их использования. Однако в учебниках криминалистики рекомендаций о тактике и методике в судебном следствии не было на протяжении ряда лет [6–7].

К проблеме судебного разбирательства обратился В.К. Гавло, рассматривая криминалистическую методику расследования преступлений. Вопрос о судебном разбирательстве как объекте криминалистики получил дальнейшее теоретическое обоснование с показом проблем судебного следствия. В условиях действовавшего в то время УПК РСФСР он правильно считал, что «судебное следствие как часть судебного разбирательства по своей сущности (процессуальные условия, организация и содержание деятельности и др.) – это новое, самостоятельное исследование обстоятельств дела, а не повторение предварительного следствия» [8, с. 66–67], которое протекает в новых судебных ситуациях. Под ними он, на наш взгляд, правильно понимает «складывающуюся в ходе судебного следствия обстановку, характеризующуюся наличием у суда установленных на предварительном следствии и в суде доказательств события преступления и лица, его совершившего, и условиями и обстоятельствами, в которых эти доказательства исследуются, устанавливаются и добываются новые, характеризующие состояние и перспективу судебного следствия в целях установления истины по делу» [8, с. 69], что нашло поддержку и дальнейшее развитие в трудах Т.С. Волчецкой и ее учениц О.Д. Кузнецовой и И.В. Румянцевой. Были развиты в условиях действия нового УПК РФ особенности тактики и методики судебного следствия в трудах С.Л. Кисленко, В.И. Комиссарова, Д.В. Кима.

А.В. Филиппов и С.В. Ковалев, исследуя понятие «ситуация», утверждают, что «сложность, многоаспектность, диалектичность возникновения и функционирования механизма актуальной ситуации является ощутимым препятствием для ее содержательного анализа» [9, с. 21]. В толковом словаре русского языка «ситуация» определяется как «совокупность условий и обстоятельств, создающих те или иные отношения, обстановку, положение» [10, с. 100].

Приведенное понятие заметно шире, предложенных в научных трудах. Профессор Н.М. Солодухо относит понятие «ситуация» к системным явлениям и выделяет следующие признаки: «динамичность сменяемых состояний, вероятностный характер качественных изменений, многофакторная детерминация, малая предсказуемость выдвижения доминирующего фактора» [11, с. 173]. Думаем, такой подход позволяет говорить о ситуационной природе судебного разбирательства как элементе системы «преступная деятельность – правоохранительная деятельность». Как и все системы различного уровня, судебное разбирательство является объектом изучения криминалистики. В развитие данной мысли в настоящее время обоснованное внимание на необходимость исследования судебного разбирательства уголовных дел как объекта криминалистики обратил в своих работах А.Ю. Корчагин. Рассматривая методику судебного разбирательства, в качестве ее элемента автор выделяет судебную ситуацию, под которой понимает «объективное положение судебного разбирательства, определяемое объемом, содержанием судебных доказательств и иной информации, находящейся в распоряжении суда к моменту начала или в процессе судебного следствия» [12, с. 34]. Автор, по нашему мнению, обоснованно выделяет объективные и субъективные факторы, влияющие на содержание судебной ситуации. К объективным факторам относятся: «доказанность материалами дела выводов обвинительного заключения, в том числе события преступления, виновности обвиняемого и квалификации его деяния; наличие оправдательных обстоятельств, объема и содержания их проверки (опровержения) на досудебном следствии; объем и содержание доказательств, поступивших в суд после окончания расследования; ориентирующая информация об условиях судебного разбирательства. К числу субъективных факторов относятся: ожидание и реальное противодействие заинтересованных лиц процессу установления истины; благоприятное (бесконфликтное) течение судебного разбирательства; социально-психологические качества и профессиональный уровень судьи, государственного обвинителя; усилия председательствующего, направленные на создание бесконфликтной (спокойной) обстановки в судебном заседании» [12, с. 33–34].

В целом соглашаясь с позицией А.Ю. Корчагина, считаем необходимым к числу субъективных факторов отнести психологическое состояние лиц, проходящих по делу. Связано это с тем, что деятельность суда осуществляется в сложных, часто психически напряженных условиях. По утверждению М.И. Еникеева, «особое место занимают так называемые «личностные доказательства» – психологические характеристики личности подсудимого и потерпевшего. Эти характеристики должны быть психологически объективными и достаточно сдержанными», и это тоже влияет на

судебную ситуацию [13, с. 327]. В подтверждение нашей позиции можно привести следующее мнение Д.В. Кима: «Ситуация – это то, что происходит между человеком и средой, пространство, в котором снимаются как объективная логика среды, так и субъективная логика человека, подчиняясь одной логике – логике самоорганизации человека как открытой системы» [14, с. 137]. Психические процессы, состояния и свойства личности человека, участвующего в уголовном процессе, определяют его изменчивые состояния, поступки и влияют на судебную ситуацию.

Обобщение уголовных дел по делам о грабежах и разбойных нападениях, проведенное нами, это подтверждает. В качестве примера можно рассмотреть уголовное дело по обвинению Г.О. Торосяна, А.П. Торосяна, Григоряна, Вартамяна, Ходырева, Кучкина и Бахнова в создании устойчивой вооруженной группы (банды) и совершенном бандой нападении в целях хищения чужого имущества, соединенного с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевших и с угрозой применения такого насилия; с применением оружия и других предметов, используемых в качестве оружия; с целью завладения имуществом в крупных размерах; организованной группой. В 1996 г. банда совершила разбойное нападение на автобус «Икарус-250», отправлявшийся в Китай с коммерсантами. В результате нападения были похищены денежные средства и ценности на крупную сумму, потерпевшим был причинен вред здоровью различной степени тяжести. Допрошенные на предварительном следствии участники банды признавали вину и давали признательные показания. После передачи дела в суд участникам банды стало известно, что один из подельников не задержан и находится в розыске. Подсудимые изменили свои показания, данные на предварительном следствии относительно роли последнего в совершении преступления, и утверждали, что Г.О. Торосян, предоставив необходимую для нападения информацию, отказался от совершения преступления и от похищенных в ходе нападения денег. Подсудимый Кучкин данные им на предварительном следствии показания не подтвердил, ссылаясь на то, что давал их под воздействием наркотиков. Судебная ситуация изменилась в результате перемены психического состояния личности, в связи с поступлением новой информации, что определило поступки лиц, проходящих по делу, и подтолкнуло их к изменению показаний и, таким образом, к фактическому противодействию установлению истины. Влияние психологического состояния лица на содержание судебной ситуации подтверждается также поведением Г.О. Торосян, который, будучи на скамье подсудимых отдельно от членов банды, находился в информационном вакууме и не имел психологической поддержки, что подтолкнуло его к даче правдивых показаний, которые соответство-

вали показаниям, данным на предварительном следствии всеми участниками банды.

Мы соглашаемся с мнением А.Ю. Корчагина, что «помимо изменений доказательственной базы уголовного дела в судебном разбирательстве возможно появление непроцессуальной, ориентирующей информации» [12, с. 35]. Рассмотренный пример подтверждает факт, что «как деятельность судебного разбирательства состоит из ряда действий непроцессуального характера, информация о которых может влиять на организационно-аналитическую сторону судебного процесса» [12, с. 35]. Отсутствие подсудимого, неявка его в судебное заседание явились объективными факторами, повлиявшими на судебную ситуацию. Неявки в судебное заседание потерпевшего, свидетелей также влияют на характер судебной ситуации. Для суда становится проблемой влияние на непроцессуальные действия участников процесса и пресечение недобросовестного использования подсудимым и его защитой в своих интересах таких факторов.

Важно отметить, что личность участника процесса – ключевая, определяет как объективные и субъективные факторы, так и появление непроцессуальной, ориентирующей информации. В подтверждение этим словам смоделируем возможную ситуацию в судебном процессе. Для обеспечения безопасности свидетелей ст. 278 УПК РФ допускает, что «суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства». Очевидно, что такие свидетели выступают со стороны обвинения, но ничего не мешает данному свидетелю выступать в процессе открыто со стороны защиты и давать показания, обеспечивающие алиби подсудимому. Доступ к персональным данным свидетеля закрыт для участников процесса. Судья, зная о сложившейся ситуации, не вправе самостоятельно довести данную информацию до сведения участников уголовного судопроизводства. Причем ни обвинитель, ни защита могут не догадываться о «двойной роли» свидетеля. Выход из такой ситуации нормами уголовно-процессуального кодекса не оговорен. В данной плоскости можно говорить о связи состязательности сторон и возникающих судебных ситуациях.

О роли суда в состязательном процессе, допустимых пределах судебного усмотрения ведутся дискуссии. На наш взгляд, в действующий УПК РФ необходимо ввести норму, позволяющую судье самостоятельно принимать меры для разоблачения таких свидетелей. В таком случае важно, что в условиях действия УПК РФ, когда суд является независимым, а участники процесса имеют равные права и обязанности, происходит самостоятельное исследование всех доказательств в новых судебных ситуациях в судебном разбирательстве с целью оценки их с точки зрения относи-

мости, допустимости и достоверности. Активность суда должна быть направлена на непосредственную проверку в судебном заседании доказательств, представленных сторонами, с участием стороны обвинения и защиты, обеспечивать применение тактических приемов судебного следствия и использование специальных познаний. Очевидно, что необходимо продолжать исследовать судебное разбирательство для устранения возникающих проблем.

Рассматривая в своих работах судебное разбирательство уголовных дел как объект криминалистики, А.Ю. Корчагин выделяет основные направления криминалистических исследований в этой части. По его мнению, «ими являются: организационные основы судебного разбирательства, прежде всего процесс конкретизации предмета; методика доказывания обстоятельств исследуемого события; организационно-тактические вопросы судебного следствия; использование специальных познаний в судебном разбирательстве; методика формирования выводов суда по рассматриваемому уголовному делу» [15, с. 43]. При этом частная криминалистическая теория предлагается к дальнейшему исследованию. В целом, соглашаясь с автором, считаем необходимым высказать свое мнение по изложенным направлениям. Под организацией судебного разбирательства, по мнению А.Ю. Корчагина, понимается оптимизация, упорядочение судебной деятельности путем конкретизации целей, определение сил и средств, создание условий для эффективного производства судебных действий, процесс руководства судебным заседанием» [15, с. 31]. Соглашаясь в целом с определением автора, считаем необходимым учитывать следующее. Обращаясь к исследованию объекта частной теории, Р.С. Белкин теоретически обосновал, что «объектом частной криминалистической теории следует считать те явления, вещи, процессы, связи и отношения, ту часть предметной области, в которой проявляются изучаемые теорией объективные закономерности» [16, с. 20].

По нашему мнению, система «связи и отношения» должна иметь свое место и в определении организации судебного разбирательства, иначе теряются объективные закономерности. Судья, изучая поступившее на рассмотрение дело, исследует ситуации, сложившиеся по делу на предварительном следствии и дознании, и с учетом этого реализует свои полномочия, предусмотренные в ст. 227 УПК РФ (направление уголовного дела по подсудности; назначение предварительного слушания; назначение судебного заседания). Принятые решения и анализ ситуаций предварительного следствия позволяют перейти к прогнозированию ситуаций, которые могут сложиться в условиях судебного разбирательства. Таким образом, имеется связь между результатами предварительного следствия и ситуациями судебного

следствия, которые необходимо учитывать при организации судебного разбирательства. Кроме этого, исследование системы «связи и отношения» помогает строить, учитывать и исследовать версии, которые составляют основу планирования. Думаем, что конкретизация в определении познавательной сути судебного разбирательства более точно отразила бы задачи организации судебного разбирательства.

Рассматривая вопросы методики доказывания, А.Ф. Корчагин к задачам криминалистического доказывания относит «систематизацию совокупности фактов с целью обеспечения системного восприятия процесса расследования рассматриваемого дела; выделение в материалах дела элементов криминалистической структуры системы «преступление» и фиксацию доказательств, обосновывающих данные элементы; последовательное исследование и фиксацию фактов, связей, действий с целью доказывания события преступления и причастности к нему подсудимого; всестороннее исследование доказательств виновности подсудимого и оправданного; разоблачение ложных систем доказательств, выдвигаемых лицами, совершившими преступление; доказывание социально-психологической структуры личности, совершившей

преступление, с целью определения справедливого наказания» [12, с. 41]. Предлагаем данный перечень задач криминалистического доказывания дополнить следующим положением: оценка выводов предварительного следствия как версия обвинения. С помощью данного положения можно обосновать в некоторой степени вынесение судом оправдательного приговора, а это возможно только в случае неподтверждения версии обвинения.

На наш взгляд, незаслуженно «обделена вниманием» в тактике судебных действий судебная версия. Преодоление информационной неопределенности по уголовному делу – основное предназначение версии. Специфика применения версий в судебном разбирательстве обусловлена тем, что «познавательная деятельность судьи тесно переплетается с конструктивной (деятельностью по принятию решений)» [17, с. 9].

Итак, в криминалистическую технику целесообразно включить криминалистические исследования. Применение современных достижений техники и компьютерных технологий в процессе судебного разбирательства открывает новые возможности для суда и участников процесса.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М., 2001.
2. Логика : учебник для юридических вузов / под ред. В.И. Кириллова. – М., 2008.
3. Цыпкин, А.Л. Судебное следствие и криминалистика / А.Л. Цыпкин // Соц. законность. – 1938. – №12.
4. Ароцкер, Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел / Л.Е. Ароцкер. – М., 1964.
5. Воробьев, Г.А. Тактические особенности судебного осмотра места происшествия / Г.В. Воробьев // Актуальные проблемы государства и права. Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика. – Краснодар, 1976. – Кн. 1.
6. Криминалистика : учебник для студентов высших учебных заведений МВД СССР / под ред. И.Ф. Крылова. – Л., 1976.
7. Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. – М., 2005.
8. Гавло, В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / В.К. Гавло. – Томск, 1985.
9. Филиппов, А.В. Ситуация как элемент психологического тезауруса / А.В. Филиппов, С.В. Ковалев // Психологический журнал. – 1986. – Т. 7. – №1.
10. Словарь русского языка. – М., 1999. – Т. 4.
11. Солодухо, Н.М. Манифест ситуационного движения / Н.М. Солодухо // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход / под общ. ред. Н.М. Солодухо. – Казань, 2005.
12. Корчагин, А.Ю. Основы тактики и методики судебного разбирательства уголовных дел / А.Ю. Корчагин. – Краснодар, 2007.
13. Еникеев, М.И. Юридическая психология / М.И. Еникеев. – СПб., 2005.
14. Ким, Д.В. Ситуационный подход как методологическая основа предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел : дис. ... д-ра юрид. наук / Д.В. Ким. – Барнаул, 2006.
15. Корчагин, А.Ю. Организация судебного разбирательства уголовных дел / А.Ю. Корчагин. – Краснодар, 2002.
16. Белкин, Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин. – М., 1997. – Т. 2.
17. Гавло, В.К. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде : учебное пособие / В.К. Гавло, С.Э. Воронин. – Барнаул, 2000.